

Кто такие миллениалы, чем они отличаются от предыдущих поколений*

Apollon Davidson

(National Research University Higher School of Economics; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Who are the millenials, how different they are from the previous generations

DOI: 10.31857/S086956870010163-0

Известный российский экономист и социолог В.В. Радаев посвятил свою новую книгу интереснейшему вопросу: похожи ли люди, родившиеся в конце советского и начале постсоветского времени и выросшие в 2000-х гг., на своих предшественников, или существенно отличаются от них. Социологи называют этих людей «миллениалами» или поколением Y. Анализ построен на материалах опросов больших групп представителей разных поколений (проводившихся в 1994—2016 гг. в рамках Российской программы мониторинга экономического положения и здоровья населения, осуществляемой НИУ ВШЭ) и личных наблюдениях автора. Не буду пересказывать содержание социологической теории поколений и углубляться в споры социологов относительно определения самого этого понятия. Отмечу лишь, что мне как историку близок предлагаемый автором «историко-культурный» подход к определению поколения, призванный дополнить его демографическую основу. Под поколением он понимает не просто возрастную когорту, но «в первую очередь группу людей, совместно переживших какие-то важные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения» (с. 33). Именно поэтому динамика социальных перемен от поколения к

поколению, статистически прослеженная Радаевым и его коллегами, поможет историкам лучше понять и недавнее прошлое, и современность.¹

Радаев считает неверным заключение социологов Центра Ю.А. Левады о том, что социальный тип «советского человека» возродился и реставрировался в 1990-е гг. Определяется это явление тем, что базовые советские социальные институты сохранились и в постсоветском обществе. Радаев же полагает, что при таком подходе поколение миллениалов определяется исключительно его отношениями с властными структурами, а это ведёт к неоправданным ожиданиям от них, и, следовательно, разочарованиям со стороны как старших поколений, так и исследователей. Для того чтобы увидеть перемены, считает он, нужно «сменить оптику»: «Социология должна развернуться в сторону культурно-исторического подхода к анализу поколений, который не тождествен политическому (и тем более политизированному) подходу» (с. 27—28).

По мнению исследователя, если применить такой подход, то становится очевидным, что между поколениями нет конфликта, но нет и диалога, пусть и конфликтного. Конфликта нет, потому что нет темы для конфликта: сторонам просто не о чем друг с другом разговаривать. Взросление миллениалов пришлось на период

* Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

стабилизации, но, по мнению автора, их поколение всё равно формировалось под воздействием социального катаклизма начала 1990-х, только влияние его оказалось «отложенным».

Миллениалы в целом лучше образованы, чем предшествующее поколение (Радаев называет его «реформенным»). Интересно, что уже в реформенном поколении, впервые, число женщин с высшим образованием превысило число мужчин. Эта же пропорция сохранилась и у миллениалов. Более того, женщин, владеющих иностранными языками, также стало больше, чем мужчин.

Судя по статистическим данным, поколение миллениалов позже обзаводится семьёй, официальной или неофициальной, причём цифры здесь различаются разительно: только у 31% представителей реформенного поколения в 27 лет не было детей; в поколении миллениалов 54% людей этого возраста бездетны. О причинах этого явления хотелось бы узнать больше, но статистические данные дают весьма скудные объяснения: нехватка денег и просто неготовность взять на себя ответственность. Позже, чем их предшественники, миллениалы начинают и работать, чаще меняют место работы.

Предсказуемо, миллениалы лучше оснащены современными информационно-коммуникативными средствами: у их поколения больше всего смартфонов, персональных компьютеров, и т.д. И так же естественно, что они больше, чем их предшественники, пользуются современными технологиями (общаются в социальных сетях, совершают онлайн покупки и т.д.), хотя настоящий скачок в этом отношении произошёл ещё в предыдущем поколении. Однако по пользованию кредитными картами миллениалы пока отстают от своих непосредственных предшественников.

Миллениалы и отдыхают иначе, чем предыдущие поколения. Они

чаще слушают музыку и аудиокниги, смотрят видео, ходят на концерты, в театры, кино и музеи, встречаются с друзьями и родственниками, больше времени гуляют и играют с детьми. Многие занимаются разными видами творчества (как, например, игра на музыкальных инструментах). Представители всех поколений, как это ни странно, мало различаются по частоте чтения книг, но женщины поколения миллениалов делают это чаще мужчин. К тому же все миллениалы предпочитают электронные, а не бумажные книги.

Вопреки распространённому мнению, данные опросов свидетельствуют о том, что по крайней мере в 2010-х гг. число верующих во всех поколениях неуклонно снижалось. Миллениалы продолжили эту тенденцию, хотя, в отличие от многих других показателей, резкого скачка здесь не произошло.

Миллениалы значительно меньше курят и употребляют алкоголь, чаще предпочитают вести активный образ жизни, чем представители других поколений. В 27-летнем возрасте только 25% представителей реформенного поколения регулярно занимались физкультурой и спортом. Среди миллениалов доля таких людей достигает 43% (с. 103). Кажется логичным при этом, что у миллениалов наиболее высокий показатель «общей удовлетворённости жизнью» (с. 111—112).

Радаев отмечает, что по большинству приводимых им параметров постсоветские поколения (реформенное и миллениалов) значимо отличаются от предшествующих им советских. Однако, подчёркивает он, этот водораздел не всегда проходит между ними и теми же поколениями. Данные опросов свидетельствуют, что «в случае использования цифровых технологий перелом произошёл в реформенном поколении, а в случае с досуговым поведением и практиками

здорового образа жизни он пролегал, скорее, в поколениях миллениалов» (с. 116). Перестройка бытового, поведения и сознания занимала больше времени, чем освоение технологических инноваций. Но, по мнению автора, именно изменения в повседневном поведении, в трудовых, потребительских и досуговых привычках и свидетельствуют о глубинной трансформации сознания, отношения к окружающей реальности и к истории страны.

Большое место в книге занимает анализ внутренних различий в поколениях миллениалов, в частности между городскими и сельскими жителями. По большинству показателей поведение горожан и сельчан значительно разнится: сельские жители отстают от своих сверстников-горожан и по использованию интернета, и по наличию в личной собственности смартфонов и компьютеров, и по частоте занятий физкультурой и спортом. Исключение составляют лишь две категории: курильщики и люди, у которых есть дети. Иногда отставание вызвано практическими сложностями. Очевидно, например, что сельские жители не могут посещать театры, концерты и кинотеатры так же часто, как их городские сверстники. То же и с посещением церквей. Досуг сельские жители проводят в основном дома. Практическими причинами объясняется и более низкий уровень образования сельских миллениалов по сравнению с городскими: окончив вузы, многие в сёла не возвращаются.

Но это не означает, что сельские миллениалы остались вне технологического прогресса. Отставая от своих сверстников по использованию информационно-коммуникативных средств, они значительно опережают по этому показателю представителей старших поколений. Радаев считает, что решительного сближения города

и деревни, размывания поведенческих границ между ними пока не происходит. Но, полагает он, идёт параллельный рост новых практик на селе и в городе при сохранении разрыва между двумя группами одного поколения (с. 152—153).

Вторая часть книги Радаева состоит из двух эссе. Первое — общие наблюдения и соображения о поколениях миллениалов, второе — о том, как их учить, в частности преподавателям вузов.

Первое эссе отчасти повторяет, отчасти интерпретирует, отчасти дополняет то, о чём свидетельствует статистика. Миллениалам, пишет Радаев, стало проще решать бытовые вопросы: родители уже обеспечили их жильём, бытовая техника стала доступнее. Несмотря на последние экономические кризисы, уровень безработицы молодёжи в России значительно ниже, чем во многих странах Западной Европы. У российских миллениалов нет существенных задолженностей по кредитам. Но зато появились завышенные ожидания и притязания, стремление к недостижимым стандартам бытия, а это, в свою очередь, ведёт к разочарованиям (с. 158—160).

У миллениалов достаточно широк выбор того, что можно или хочется делать со своей жизнью, поэтому им сложно строить долгосрочные планы и ставить жизненные цели. По мнению Радаева, им важен успех, успешная самореализация, и часто не важно, в какой именно сфере: не удалось или не понравилось — можно делать что-то совершенно иное. Успех при этом должен быть быстрым, поэтому многие предпочитают свои собственные индивидуальные начинания, будь то в бизнесе, в интернете или в искусстве, карабкаться по бюрократической лестнице. Но миллениалы не будут годами надрываться на работе ни ради успеха, ни ради денег. Они

хотят жить «нормальной» жизнью, с отдыхом, занятиями спортом, путешествиями, познаванием чего-то нового. Привязанности к одному рабочему коллективу у них нет. Советские поколения вкладывали свои усилия в трудно дававшееся материальное благополучие и карьеру; миллениалы «инвестируют в себя» — в своё образование, здоровье, путешествия и новые впечатления.

Самым очевидным для старших поколений отличием миллениалов является их «зацикленность» на средствах коммуникации. Смартфон в руках — неперенный их атрибут, они постоянно вовлечены в коммуникацию. Конечно, эта коммуникация поверхностна, и, конечно, её чрезмерно много, что может вести и к нервным расстройствам, и к депрессии. Но пока не заметно, чтобы миллениалы стремились ограничить этот поток: он даёт возможность мгновенной самореализации и доказательства своей «особости». Постоянное общение в социальных сетях влияет и на реальное общение в жизни: миллениалы легко входят в отношения и легко из них выходят. Это даёт ощущение свободы — от коллектива, от общества, от личных обязательств, а то и от моральных ориентиров.

Хорошо всё это или плохо? Ни то, ни другое. Совершенно очевидно одно: поколение миллениалов уже сложилось, характер его вряд ли изменится, и старшим поколениям нужно учиться жить с ним и понимать его.

Второе эссе предлагает наблюдения Радаева за студентами на протяжении его преподавательской карьеры. Главное из них — как студенты они тоже «другие»: «есть интуитивное ощущение, что учатся они как-то иначе, что их жизнь в целом устроена по-другому, что их интересы шире, чем мы бы хотели, и что их пристрастия меняются чаще, чем мы привык-

ли» (с. 185). Какие другие? Автор считает, что студенты-миллениалы читают слишком мало и не имеют навыка погружения в сложные тексты. По его мнению, они хотят понимания «в нарезанном и готовом к употреблению виде» (с. 187). То же самое и с информацией — она должна быть проста и готова к использованию (с. 188). Не нужно ничего помнить или понимать — всё есть в интернете. Вопрос в том, зачем тогда преподаватель, ведь знать больше, чем интернет, невозможно (с. 189). В этой ситуации трудно удерживать внимание студентов, даже если оно уже завоёвано, тем более что их коммуникация с виртуальным внешним миром, никак не связанная с занятиями, продолжается и в аудитории (с. 193—194). Говорить со студентами стало сложнее и в том смысле, что они чётко знают свои права в рамках университетских правил, и настаивают на их соблюдении преподавателем (с. 195). Это делает отношения более формальными.

Конечно, подобные черты встречались и раньше. Последние десятилетия каждое новое поколение, особенно гуманитариев, приходит в вуз с уверенностью, что оно знает всё и что учить его ничему не нужно. Преподавателю остаётся только осознать гениальность студента и поставить ему соответствующую оценку (а если он чего-то не знает, то это и не важно).

В целом же впечатления Радаева совпадают с моими. «Они» — действительно другие. Поисковики, смартфоны и социальные сети изменили и студентов, и преподавателей, и отношения между ними, и атмосферу в аудитории. Роль преподавателя как носителя информации ослабла. К третьему курсу многие студенты считают своё появление в аудитории едва ли не одолжением преподавателю. Некоторые приходят только на экзамен в попытке «наговорить» на

минимальную оценку, не претендуя на большее.

И всё же картина эта не полна. Даже сейчас талантливый лектор может «нащупать» аудиторию и найти с нею общий язык, и даже сейчас в каждой группе есть костяк, которому интересно и который готов работать. И даже сейчас студенты аплодируют лучшим лекторам, во всяком случае, в Высшей школе экономики.

Мнения о том, что и как делать, чтобы привлечь и удержать внимание

студентов, не могут не различаться: они зависят и от личности преподавателя, и от его индивидуальной манеры ведения занятий, и, разумеется, от преподаваемой дисциплины и темы. Методы, предлагаемые Радаевым, не могут быть восприняты всеми одинаково. Но он поднял важнейшие проблемы, которые придётся обсуждать ещё не одному поколению.